

Е. И. Воробьева (Везлян)

ТОЛСТЫЕ ЖУРНАЛЫ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4

Статья посвящена описанию положения толстых литературных журналов в поле современной отечественной литературы. Автор выявляет наличие специфического парадокса толстых журналов. Системные факторы и внешние показатели (спрос, прибыль) говорят о неустойчивости и анахронизме этого института. Но он де-факто оказывается одним из самых устойчивых и более того — системообразующих. Теория П. Бурдьё позволяет понять причины этого явления. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: толстые журналы, социология литературы, П. Бурдьё, поле литературы.

THICK JOURNALS (LITERARY MONTHLY MAGAZINES) AS BACKBONE FACTOR IN CONTEMPORARY LITERATURE

E. I. Vorobyova

Moscow City Teacher Training University, 4, 2nd Selskokhozyaistvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

This article focuses on description of literary monthly magazines' status in the modern Russian literary field. Their existence and active role in modern literary situation is a paradox. From the economic and historical point of view, *thick journals* are an institutional anachronism. But this anachronism became one of the most stable and important institutions. P. Bourdieu's theory allows to explain this phenomenon. Refs 11.

Keywords: thick journals, sociology of literature, P. Bourdieu, field of literature.

Предметом рассмотрения в данной статье станет так называемый толстый журнал как исторически сложившийся тип издания в системе отечественной литературной культуры и, в частности, модус существования системы толстых литературных журналов в литературной ситуации 2000–2010-х годов. Статья опирается как на имеющиеся источники и документы, так и на проведенные автором опросы и результаты включенного наблюдения (автор статьи работает в одном из описываемых изданий)¹.

Описание этого модуса само по себе достаточно сложно, ибо оно должно осуществляться с учетом неоднородности современного литературного поля, его нелинейной динамики и сосуществования в нем разновременных и полигенетических пластов. Эта нелинейность должна быть нами акцентирована, так как обычно, описывая современную литературную ситуацию, рассматривают ее динамику как процесс линейного «развития» тех тенденций, которые начали доминировать в период институциональной перестройки и реформирования всей системы культуры на рубеже 1980–1990-х годов (отмена цензуры, формирование свободных рынков, в том числе и рынков идей, стратификация аудиторий, отмена единой культурной иерархии и т. п.). Соответственно, выделяют условно «прогрессивные» и условно

¹ Нужно оговорить, что в данной статье мы будем рассматривать только издания «либерального круга» и иметь в виду в основном «старые» московские и лишь отчасти петербургские журналы («Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», «Звезда»).

«регрессивные», т. е. отнесенные в прошлое, относящиеся к прежней системе отношений институции, которые воспринимаются как заведомо недолжные, маргинальные, невостребованные. В частности, именно так, как «рутинизирующие», описывает толстые журналы Б. В. Дубин в своих работах 1990–2000-х годов.

Так, в статье 1993 г. он пишет: «Соединение привычного мировоззренческого и эстетического кода, прошедшего через несколько поколений журнальных авторов 1960–1980 гг. ... с публикуемым авангардом и тамиздатом этих же лет с новыми постмодернистскими образцами производит, скорее всего без намерения авторов и издателей, впечатление пародии, а в социологическом смысле — сдвига к культурной периферии как области соединения уже “готовых” (словоупотребление Тынянова), отработанных значений и моделей» [1, с. 146]. Спустя десять лет он, подводя итоги развития 1990-х годов, продолжает ту же линию рассуждений: «Толстый журнал все чаще выступает теперь рутинизирующим элементом литературной системы, по преимуществу сохраняя — неважно, сознательно или по привычке — литературные стандарты и образцы прошлого. По сути, впервые за всю историю он не представляет ни институт литературы, ни авангард литературных поисков, ни поле межгрупповых коммуникаций, ни канал взаимодействий с читателями, их наиболее продвинутыми группами и представляет лишь консервативный сегмент литературной системы. В этом смысле можно говорить о конце журнального периода советской литературы» [2, с. 122].

Действительно, если смотреть на литературную систему «извне», с точки зрения релевантности ее структуры запросам читательского сообщества (или, точнее, читательских сообществ), то положение толстых журналов кажется незавидным. Пик спроса на этот тип изданий пришелся на период перестройки, когда именно журналы стали «лидерами мнений» для своего традиционного читателя — достаточно однородной массы «советской интеллигенции»². Затем произошел коллапс: экономический кризис стал причиной падения тиражей, перераспределение интересов и внимания аудитории привело к потере читателя. (Поздне)советская интеллигенция утратила однородность, расслоилась и отчасти вошла в другие страты, а отчасти трансформировалась в интеллектуалов — по западному образцу³. Толстые журналы начали испытывать экономические трудности, до сих пор не преодоленные. Ничтожные тиражи и почти полное отсутствие розничного распространения делают в последние двадцать с небольшим лет невозможным выживание журнала за счет профильной деятельности. Не только в регионах, но даже в Москве и Петербурге журналы может купить только тот, кто «знает места»: они продаются только в редакциях и в некоторых магазинах интеллектуальной литературы. Более того, по ряду экономических причин (высокая стоимость доставки и малое количество продаваемых экземпляров) продажа журналов в регионах в розницу оказывается даже убыточной для изданий. В редакциях толстых журналов (в поле нашего зрения на протяжении последних пяти лет были столичные журналы, как московские, так и питерские) такое положение дел рассматривается как данность, и до 2014 г. попыток расширить аудиторию за счет привлечения более современных коммерческих или пиар-технологий

² См. об этом: [3, с. 132].

³ Характерно, что уже в исследовании Шведова и Девятко [4], опубликованном в 1990 г. и касающемся аудитории журнала «Вопросы литературы», говорится о двух взаимоисключающих перспективах для журнала: либо он должен стать более специализированным, либо более «общеинтересным». См. об этом также: [5].

не наблюдалось. Вместо этого всякий раз при появлении затруднений срывается скорее патерналистский паттерн экономического поведения: редакции журналов обращаются непосредственно во властные инстанции с целью получения грантов или субсидий на библиотечную подписку. Именно за счет этой подписки и удается сохранять сравнительно массовый тираж издания. Таким образом, массовой аудиторией журнала оказываются читатели библиотек — в основном провинциальных — и сами библиотекари. Но и это не покрывало бы полностью издержек и зарплатных нужд редакций, если бы не арендные льготы. Редакционное помещение, доставшееся еще с советских времен, впрочем, сохранили только «Новый мир» и «Октябрь». «Знамя» дважды переезжало, с тех пор как у него был реквизирован под иные нужды дом на Никольской, а «Дружба народов» и вовсе лишилась помещения.

Все это делает экономическое положение толстых журналов достаточно незаметным, а спрос на них — если судить по продаже «бумажной» версии — ничтожным, а если судить по составу тех, кем востребуются «бумажные» номера, — то маргинальным.

Более того, сами члены редакций наблюдаемых нами толстых журналов странным образом рассматривают свое положение одновременно как «кризисное», говоря о нем в терминах утраты, отчасти даже рессентимента, с одной стороны, а с другой — подчеркивая ведущую роль своих изданий в формировании современного литературного «мейнстрима»⁴.

То есть в самоощущении редакций толстые журналы есть нечто «никому более не нужное», но в то же время «необходимое для литературы».

Кроме этой парадоксальной самооценки есть и еще один фактор, размывающий чистоту картины, показывающей толстые журналы как анахроническое, отмирающее явление. Это — «Журнальный зал» «Русского журнала», который существует с 1996 г. и является достаточно посещаемым ресурсом (7000–10000 посещений в день)⁵. То есть помимо оффлайн-аудитории, маргинальной в своем основном составе, существует еще довольно обширная (по интернет-меркам, правда, не очень большая, но во много раз превосходящая «бумажный» тираж) онлайн-аудитория, состав которой, правда, на данный момент не изучен, но некоторые предположения о нем сделать все же можно. Учитывая статистику рунета, эта аудитория моложе, образованней, она менее консервативна и более материально обеспечена, чем аудитория «бумажного» тиража.

Кроме того, она довольно сильно географически рассредоточена. Электронные версии толстых журналов читают не только в России, но и в мировой русскоязычной диаспоре.

В то же время совершенно ясно, что этот новый читатель толстых журналов — вовсе не тот «наш читатель», о потере которого постоянно сетуют редколлегии жур-

---

⁴ Так, в словарной статье С. Чуприна [6] мейнстрим определяется как «главное из того, что предоставляет читателям современная литература», «мейнстрим отнюдь не совмещается с каталогом новейших веяний, отбирая лишь те явления, которые не просто вызывают читательскую любознательность, но и одобрены общественным мнением», и ниже — «в целом же, отечественная традиция закрепила за этим понятием отечественную литературу, предлагаемую, как правило, толстыми литературными журналами». Эта оптимистическая декларация резко контрастирует с общим алармистским тоном статьи Вл. Елистратова [7]. См. также широкий разброс мнений в материалах круглого стола журнала «Дружба народов» [8].

⁵ Историю сайта см. в материале одного из его создателей, Сергея Костырко [9].

налов. Журналы выстраивают свою политику (все, кроме «Нового мира» последних 8–10 лет) так, как если бы этот «широкий читатель», не наделенный специальными компетенциями, но в то же время — «умный», «культурный», жаждущий приобщиться к «высокой культуре», — у этих изданий до сих пор на самом деле был. Можно предположить, что подобная стратегия вызвана отчасти чем-то вроде травматического синдрома, связанного с мгновенной потерей аудитории и влияния в 1990-е годы и является чем-то вроде «разыгрывания травмы». Ниже мы покажем, что, будучи помножена на институциональный фактор, эта фантомная стратегия приводит к вполне реальным последствиям для всей системы современной литературы.

Все это в комплексе позволяет говорить о «парадоксе толстых журналов», которые, несмотря на объективные и системные факторы, делающие их анахронизмом, чье существование несовместимо с новым порядком функционирования литературной культуры, вот уже почти 25 лет не просто существуют, но и нашли новую среду бытования, при этом практически не меняя ни стратегии публикации («выставка достижений литературного хозяйства для широкого читателя»), ни стратегий продвижения.

Где тот символический и институциональный ресурс, который позволяет им существовать? Какова их реальная аудитория? Чтобы понять это и то, каково настоящее место толстых журналов в современной литературе, отступим немного назад в логике нашего рассуждения и затронем еще один аспект того коллапса, который постиг журналы в конце перестройки.

Одним из неизменных компонентов толстых журналов является их структура. Обычный журнал состоит из двух «тетрадей». В первой собраны художественная проза и стихи, во второй — то, что в издательской классификации принято обозначать «нон-фикшн», т. е. эссеистика, критика, публицистика, мемуары и библиография. Таким образом, утверждается приоритет литературы в картине мира, транслируемой журналом. Структура журнала свидетельствует о том, что литература — неотменимый и незаменимый компонент того разговора о современности и мире, который делает (делал на протяжении двухвековой истории этого типа изданий) журнал центром общезначимого смыслового обмена и транслятором главных идей эпохи. Созданные внутри системы советской литературы, «традиционные» толстые журналы уже в своей структуре закрепляют ту модель литературы, которую при своем возникновении были призваны транслировать.

Эта модель в качестве исходной посылки предполагает литературоцентризм — присущее культуре свойство сакрализации автора литературного произведения и наделения его ролью творца, пророка, учителя жизни (отсюда — популярность формулы Евтушенко «поэт в России — больше чем поэт»)⁶. Сама же литература оказывается и общественной трибуной, и философской кафедрой, и много чем еще, т. е. главным местом порождения и трансляции общезначимых смыслов. При этом подобная модель также предполагает, что эта трансляция осуществляется для некоторой единой, массовой и при этом нестратифицированной аудитории внутри единого недифференцированного ценностного поля. Литература предстает в этой модели гомогенным полем с институционально закрепленным единым центром. То есть совпадают границы признания и официального статуса, а границы литера-

---

⁶ О литературоцентризме см. подробный очерк в книге Михаила Берга [10].

туры как поля (ее эстетические, ценностные границы) совпадают для этой модели с ее институциональными границами. Иностранцы, маргинальные в этой системе элементы, такие как жанровая, массовая литература, например, были вынуждены встраиваться в эту систему на правах ее элементов, либо оказывались лишенными «литературного» статуса. Литература в этом «официальном» пространстве мыслилась как однородная и моноцентричная. И толстые журналы были центром этой литературы. Массовый читатель этих журналов, «советская интеллигенция», та ее часть, которая не была непосредственно вовлечена в самиздатские и диссидентские круги, воспринимала именно эти издания как инстанцию литературной легитимации автора и произведения. Поэтому можно предположить, что в период публикационного бума второй половины 1980-х годов массовый интерес к републикациям из сам- и тамиздата был вызван отчасти именно восприятием этих публикаций как факта «системного» включения, «удостоверения подлинности» этих текстов.

В начале же 1990-х годов произошел довольно резкий отход системы культуры от литературоцентризма. И этот момент совпал с падением тиражей толстых журналов, распадом их аудитории и исчезновением массового спроса на них.

Казалось бы, толстые журналы — по определению — не должны были пережить краха породившей их системы.

Но, как мы видим, это произошло.

Вследствие коллапса — вплоть до формирования структурированного книжного рынка в середине 1990-х — литература оказалась предоставлена сама себе. Толстые журналы неожиданно для себя оказались в одном конкурентном поле с новыми литературными изданиями (журналами, альманахами), которые были предназначены почти только для внутрিলитературного спроса и были по своей сути элитарными. На фоне этих изданий, в условиях еще только складывающегося книжного рынка и полного отсутствия у салонных авторов с их андеграундным багажом образа читателя, толстые журналы с их стратегиями казались чем-то одиозным и действительно временным, неустойчивым. Однако постепенно, с возникновением системы «больших» литературных премий и развитием книжного рынка, где, в силу появления так называемых умных менеджеров, а впоследствии — и отечественного аналога «бубо» (буржуазной богемы), появился запрос на «хорошую литературу для всех», в том числе и отечественную, стало очевидно, что именно команды толстых журналов являются агентами влияния в этой сфере. Членов их редколлегий мы видим и в жюри премий, и среди основных номинаторов. В писательской среде устойчиво мнение (и его подтверждает проведенный нами опрос среди издателей современной отечественной прозы, признавших, что толстые журналы для них — авторитетный рекомендательный источник отбора текстов), что для успешного продвижения публикация в одном из ведущих толстых журналов просто необходима. Один из влиятельных издателей отечественной прозы, Елена Шубина, признавалась на одной из встреч со студентами РГГУ, что свое утро она начинает с просмотра литературной периодики, в том числе (и в основном) с толстых журналов. Проведенный же нами осенью 2012 г. опрос членов литературного сообщества показал, что если в начале, и даже в середине 1990-х годов лояльность литераторов к толстым журналам была достаточно низкой, то теперь она довольно высока. Почти все опрошенные нами литераторы (репрезентативная выборка из 34 респондентов) показали, что так или иначе обращаются к чтению материалов основных литературных журналов этого типа. Однако режим этого чте-

ния изменился по сравнению с временем системного расцвета этого типа изданий. Теперь это просмотр отдельных публикаций «Журнального зала», причем даже не в самом ЖЗ, а в ссылках авторитетных коллег в социальных сетях. Так у каждого литератора складывается свой «метажурнал», содержащий те материалы, которые непосредственно для него близки и интересны. Степень же важности журнального чтения для автора прямо пропорциональна его отдаленности от столиц и обратно — его вовлеченности в события литературной жизни, дающие возможность непосредственно общаться с коллегами. Однако большая часть авторов, даже те, кто читает толстые журналы не регулярно, признали, что для них значим факт публикации в столичных толстых журналах. Значимость эта — очевидным образом символическая, так как гонорары в этих изданиях очень скромны.

Толстые журналы, по всей видимости, превратились в специализированные издания, предназначенные для производителей (в широком смысле слова), включая и тех, кто является посредником между литературным сообществом и сообществом читателей.

Понять смысл той трансформации, которую они претерпели, может помочь теория Пьера Бурдьё, который в работе «Поле литературы» описал два «принципа иерархизации» поля — «гетерономный» (внешний) и «автономный» (внутренний). Внешний — тот, который полю культурного производства (в частности — литературы) навязывает поле власти и который «благоприятствует тем, кто экономически и политически доминирует в поле», а внутренний — описывается в терминах «искусства для искусства», «самые радикальные приверженцы которого видят в провале знак избранничества, а в сиюминутном успехе знак компромисса с “веком сим”». Борьба этих двух принципов и определяет текущее состояние поля. Чем более внешний принцип иерархизации подчинен внутреннему, тем автономнее поле. Бурдьё пишет: «Чем автономнее поле, тем более благоприятен баланс символической власти для независимых от спроса производителей и тем четче граница между двумя полюсами поля: суб-полем ограниченного (элитарного) производства [sous-champ de production restreinte], в котором производители производят для других производителей — своих непосредственных конкурентов и символически исключаемым и дискредитируемым, суб-полем широкого (массового) производства [sous-champ de grande production]» [11, с. 26].

Таким образом, Бурдьё обосновывает существование в поле культуры именно двух крайних (но взаимодействующих) полюсов культурного поля. Бурдьё нам в данном случае важен, скорее, не как создатель метаязыка, подходящего для описания социокультурных процессов, а как исследователь, описавший «чистую», несложную модель (на примере французской литературы) их протекания.

Советское литературное поле не было, естественно, автономным. Современное культурное поле отказалось от литературоцентризма на рубеже 1980–1990-х годов, что привело к резкой, скачкообразной и травматичной по своей сути автономизации поля литературы (оно и эстетически, и социально оказалось «в себе» и «для себя»).

Толстые журналы вписываются в новую литературную — автономную — структуру. При этом исходная литературоцентричная модель, отбрасывая породившую ее идеологию, как ракета сжигает пусковую ступень, оставляет внутри себя две важные диспозиции: единство (по умолчанию) литературы, данное естественно, вне рефлексии.

сивных усилий, т. е. естественный вкус, приводящий к выработке рамок традиционности, к идее эстетической нормы; и исторически делегированное право институционализированного жеста. Разумеется, рассматриваемые нами издания не отбросили и идеологические установки, но их «либеральная» идеология оказывается предпосылкой как раз «автономного», свободного от диктата внешних факторов, понимания литературы. Это понимание сводится к тому, что литература сама определяет собственные границы и критерии оценки.

А именно борьба за переопределение этих критериев и является, по Бурдьё, борьбой за власть в литературном поле.

И толстые журналы вступают в эту борьбу — уже на новых для себя, общих основаниях.

Как и все участники борьбы, они манифестируют свои основания. И вот в этой-то манифестации обнаруживается парадокс. В свое манифестирование толстые журналы вводят фигуру «внешнего» читателя, декларируя свое подчинение гетерономному принципу. Они оказываются площадкой внешней репрезентации всех «главных» и «основных», всех «центральных» явлений современной литературы. И вот это пространство «главных», «центральных» явлений, обладающих потенциалом к внешнему манифестированию — т. е. таких, которые легко отрываются от породившего их контекста, вписываясь в некий общепонимаемый, общезначимый контекст, в некоторый потенциальный «национальный канон», — и манифестируется как «мейнстрим». А то, что эта конструкция оказывается нефункциональной, не доходит до «нашего широкого читателя» (см. выше) — обозначается в толстожурнальных публикациях как «проблема мейнстрима».

Пользуясь терминами Бурдьё, эту позицию можно описать как автономно-гетерономную.

Фактически же происходит следующее: толстые журналы отказываются от борьбы за читателя, поскольку не выходят на рынок (крайне низкий тираж и отсутствие распространения). Подписчики же — это не та страта, для которой журнал предназначен де-факто. То есть фактической аудиторией деклараций толстых журналов и является то самое сообщество производителей.

Гетерономный принцип оказывается действующим как автономный. Символический капитал оказывается репрезентирован как материальный.

Более того, будучи чистым конструктом, мейнстрим оказывается в итоге деятельности ТЖ-сообщества некоторой реальной позицией в поле литературы, институционально закрепленной системой премий и рядом издательских программ, причем в издательском случае — это чистые акты престижа, не подкрепленные спросом, датируемые за счет прибылей с коммерческих изданий.

При этом, если мы посмотрим на сложившееся к данному моменту поле действительно относительно массового интеллектуального спроса и производства (поле интеллектуальной моды, ориентированное на бубо, «креативный класс», или так называемую новую интеллигенцию), то увидим, что оно довольно сложно расположено по отношению к специфическому ТЖ-мейнстриму (частичное совпадение в выборах; но при этом — использование других, более внешних по отношению к литературе и массовых каналов информации).

В данном случае мы имеем дело с идеей мейнстрима, не имеющего отношения не только к спросу, но и к моде. Ближе всего к этому мейнстриму находится идея

канона и нормы, но таких, которые моделируют в литературном поле парадоксальную (никак не связанную с «внешним» признанием) среднюю, центральную зону, не привязанную при этом и к литературной жизни с ее групповыми интересами и критериями.

Тут мы вспоминаем о диспозиции. В отличие от любой другой группы, борющейся на занятие позиции в новой литературе, ТЖ-сообщество боролось за то, чтобы не утратить, а не за то, чтобы приобрести. Так сказать, за «статус-кво 2.0». И закреплённое за этими журналами в литературном сознании право задания институциональных границ литературы было «обналичено» в этой борьбе.

То есть функция толстых журналов в современном литературном пространстве — это «материализация» литературы: воспроизводство ее институциональных границ в их исторически заданных и потенциально узнаваемых извне очертаниях, иными словами — удержание социальных форм ради нее же самой и в рамках нее же самой, как форм внутрилитературной идентичности, пусть даже и выстраиваемой негативно — по отношению к этому «институциональному принуждению».

Литература

1. Дубин Б. В. Журнальная культура постсоветской эпохи // Дубин Б. В. Слово-письмо-литература: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 135–148.
2. Дубин Б. В. Обживание распада, или Рутинизация как прием: Социальные формы, знаковые фигуры, символические образцы в литературной культуре постсоветского периода // Дубин Б. В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004. С. 116–132. (Новая история).
3. Менцель Б. Гражданская война слов: Российская литературная критика периода перестройки / пер. с нем. Г. В. Снежинской. СПб.: Академический проект, 2006. 400 с. (Современная западная русистика. Т. 63).
4. Девятко И. Ф., Шведов С. С. Журнал и его читатель. Социологический отчет // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 3–24.
5. Дубин Б. В. Литературные журналы в отсутствие литературного процесса // Дубин Б. В. Слово-письмо-литература: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 148–155.
6. Чупринин С. Мейнстрим // Жизнь по понятиям: русская литература сегодня. М.: Время, 2007. С. 186.
7. Елистратов Вл. Не надо бояться буржуа с рублем, или В поисках русского литературного мейнстрима // Знамя. 2006. № 7. Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/7/eli15.html> (дата обращения: 20.06.2014).
8. Продуктовый набор или осколок вытесняемой культуры: Круглый стол // Дружба народов. 2005. № 1. Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/1/pro16.html> (дата обращения: 18.06.2014).
9. Костырко С. Magazines.russ.ru — к десятилетию «Журнального зала» в Интернете. История и концепция сайта, справка о нынешнем состоянии // Новый Мир. 2006. № 3. Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/3/ko18.html (дата обращения 20.06.2014).
10. Берг М. Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 352 с.
11. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2014 г.

Контактная информация

Воробьева Евгения Исааковна — кандидат филологических наук, доцент; ev2905@yandex.ru
Vorobyova Evgeniya I. — Candidate of Philology, Associate Professor; ev2905@yandex.ru